

РАЗВРАТНИЧАЮ С ВДОХНОВЕНЬЕМ

РАЗВРАТНИЧАЮ С ВДОХНОВЕНЬЕМ

1

Друзья и вороги
Исповедуйте веру иную
Веруйте в благовест моего вранья.

Как мертвую тушу лошадиную
Поэтов насаживаю на рога
Своего вдохновенья.

Стаей вороньей,
Тучей
Кружит над павшими бойца слава.

Только крылья о звезды звенят
И ухает,
Материков вздымая черное брюхо,—
—уллюлю!

А скромный биограф уже стучит
Молотом воспоминаний по металлу слов,
Венец кует победителю.

2

В вазах белков вянут синие лилии,
Осыпаются листья век,
Под шагами ласк грустно шурша.

Переломил стан девий
И вылилась
Зажатая в бедрах чаша.

Рот мой розовый, как вымя,
Осушил последнюю влагу.
Глупая, не задушила петлём ног!..

Вчера—как свеча белая и нагая
И я наг,
А сегодня не помню твоего имени.

Люди, слушайте клятву, что речет язык:
Отныне и во веки не склоню над женщиной
мудрого лба
Ибо:

Эта самая скучная из всех прочитанных
мною книг.

3

Настеж рта гардероб
И язык,
Как красное платье.

Кому, кому серебро
Моей пепелящей плоти,
Кому глаза страдальные, как язвы?..

Тело закутайте саваном тишины,
Поставь луна погребальные свечи
А вы—

Чернорабочие молвы
Словами сочными, как вишня,
Зачните сказ:

„В некотором царстве, некотором государстве
жил человеке
„Точил он серебряные лясы
„Имя ему при рождении дали...

И т. д.

4

Город—асфальтовый колокол—
О чем люто
В ночи гудишь?

Тебе стихи, белей чем молоко,
Мои мужские груди
Льют...

Толп вал
Пошади, во имя Новейшего Завета,
Меня развратничающего с вдохновеньем.

Веруйте: сокровенного сокровенней
Девятью девять месяцев зарю в животе
Мариенгоф вынашивал.

А когда рожал, раздирая стены криком,
И уже младенец теплое темя высунул,
Тут же за пологом грешила поэзия со
стариком

Брюсовым.

5

Точит пурга
Снежный клюв
О железную спину Петербурга.

(Кажется или не кажется?)
Корчится, как живая,
Спина мертвеца...

Голову
В тишину закинув
Именем не называть!...

Зверя устанут челюсти,
Птицы костями набьют зобы,
А иноземные гости

Будут на папертях трупы жечь.
Мне-ли любовь блюсти,
Каменной вазой быть?..

Каждая уроненная слеза океана глубже.

6

Не мечут за врагом в погоню
Мои упрямо стянутые луки
Скул

Стрелу
Монгольской яри
И гребень в волосах не бег коней

По желтому
Песку
Татарии.

Ах, почему
Суров и так тяжеловесен
Сегодня шаг ветров

И барабанных перепонок струны,
Как в бурю омут
И песен

Звук уныл и ломан метр.

Над белой, белой как яйцо, луной
Наседка кудахчет — облако
Или выюга?

Недруги,
Пощадите голову—это мудрое веретено,
Что прядет такую прекрасную пряжу стихов.

Каждый проулок логовище.
Стальными клыками бряцает
Густая, как шерсть медведя, толпа воинов.

И вся Русь разбойно
В четыре пальца
Свищет.

Удаль, удаль
Не заколдовали тебя веков ворожей!..
Где же я, с кем буду,

Положу себя на ладони чьи?

Город к городу каменным задом,
Хвостами окраин
Окраины.

Любуйтесь, граждане, величественнейшей
случкой!
Гиганты, безумия хлебнувши яд,
Языками фонарей зализывают раны.

Молюся о них молитвой такой:
(Вздымая руки
Тяжолые, как якоря):

«Социалистический боже, даруй
«Счастливейшее им потомство —
«Сынов, внуков и правнуков.

«В черные зубы фабрик гаванскую сигару,
«Ладони пригородных мостовых
«В асфальтовые перчатки втисни

«И еще тысячу т. п. маленьких радостей.

9

Камень Вавилонской башни
Усеяли
Твои зерна

Скифии вчерашней
Поля.
Черна ладонь твоего сеятеля.

Нет серпов
Для этого восхода,
Жнеца нет.

Гранитной тропой
На цепи, что в железной руке,
Невская бежит вода.

Волн металлическое бряцание,
Валов ржание
Поет миру о новой каторге.

Солнце, вода и ветер вы сегодня почетные
каторжане.

10

Счастье, обыкновенное как весна,
Неужели все еще мало
Тебе человеческой пищи.

Виснут, все длиннее виснут
Над голубыми щеками dalej
Черные уши кладбищ.

Кончено. Все кончено.
Степная тишь в городе.
Долинное безмолвие движется по проспектам.